

8. Иван Ильин и современная Россия: Неопубликованные фотографии и архивные материалы / Автор и сост. Ю.Т. Лисица. М., 1999.

9. Иоанна II, 15.

10. Кураев Андрей. Как относиться к исламу после Беслана? // Православная газета – 2004 от Р. Х. №36.

11. Кураев Андрей, диакон. О нашем поражении. Христианство на пределе истории. М., 2003.

В.И. МЕЛЬНИК, Е.А. ЦАРЕВА

г. Екатеринбург

ПЕРСОНАЛИЗМ Н.А. БЕРДЯЕВА: СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА

Понятие «свобода творчества» все чаще употребляется в средствах массовой информации, в выступлениях политических лидеров, декларируется Конституцией нашего государства. Однако смысл, вкладываемый в это понятие разными людьми, различен, зачастую предлагаются самые противоположные пути решения проблемы свободы творчества.

Интересны в этом отношении идеи Бердяева – о смысле существования человека и в связи с ним смысла бытия в целом. Решение данных проблем, по мнению писателя, может быть только антропоцентрическим. Осмысленное существование – это существование в истине, достижимое человеком на путях спасения (бегства от мира) или *творчества* (активного переустройства мира культурой, социальной политикой).

Бердяев был поглощен экзистенциальным интересом к человеку, в «Самопознании» он отмечает: «экзистенциальная философия...понимает философию как познание человеческого существования и познание мира через человеческое существование» [1]. Однако, в отличие от других философов-экзистенциалистов, писатель не удовлетворяется сопереживанием, его волнует не столько трагедия человеческого существования, сколько *свобода человеческой личности и человеческого творчества*. «Свобода, личность, творчество лежат в основе моего мироощущения и мирозерцания», – пишет Бердяев [1]. Он онтологизирует свободу, выводит за рамки обычных проблем философии. Свобода, своими корнями уходящая в иррациональную и трансцендентную безоснованность, является для него *исходной и определяющей реальностью человеческого бытия и творчества*.

Центральным пунктом философского экзистенциализма и персонализма Бердяева было соотношение объективного мира и

творчества. По мнению писателя, личность и субъективное находятся в конфликте с общим и объективным, личность восстает «против власти объективированного общего». Объективация – одно из основных понятий философии Бердяева, она означает *трансформацию духа в бытие*, вечности – во временное, субъекта – в объект, порождение неподлинного мира явлений, где результаты духовной активности человека приобретают формы пространства и времени, начинают подчиняться причинно-следственным отношениям и законам формальной логики. Писатель так поясняет свою идею: «объективной реальности не существует, это иллюзия сознания, существует лишь *объективация реальности*, порожденная известной направленностью духа. Объективированный мир не есть подлинный реальный мир...Объект есть порождение субъекта. Лишь субъект экзистенциален, лишь в субъекте познается реальность». Бердяев пишет: «Объективация есть выбрасывание человека вовне, экстериоризация, подчинение условиям пространства, времени, причинности, рационализации. В экзистенциальной же глубине человек находится в общении с духовным миром и со всем космосом» [1]. Таким образом, объективация представляет собой *не раскрытие, обнаружение духа, а, наоборот, его ограничение и обеднение*. В результате человек оказывается в двойственном положении: как личность он остается в своей глубине носителем экзистенциального "я", образа и подобия Бога, как индивид он становится причастен миру природной и социальной необходимости. Мысль писателя перекликается здесь с идеями западноевропейских экзистенциалистов о *трагическом положении человека в безучастном, равнодушном к его существованию мире*. Сам Бердяев подчеркивает сходство этих идей: «Когда экзистенциалисты... говорят о выброшенности человека в мир и обреченности человека этому миру, то они говорят об объективации, которая делает судьбу человека безысходной, выпавшей из глубокой реальности». Писатель видит природное зло не только в жестокости борьбы за существование, в страдании и смерти, а в самом факте необходимости, объективации, которая составляет сущность материи. «Человек с его возможностями духовной свободы брошен в слепой механический мир, который поработает и губит его» [1]. Бердяев отмечает, что у него «есть напряженная устремленность к трансцендентному, к переходу за грани этого мира». «Обратной стороной, – пишет он, – этой направленности моего существа является сознание не подлинности, не окончательности, падшести этого эмпирического мира». Философ утверждает «примат

свободы над бытием». «Бытие вторично, есть уже детерминация, необходимость, есть уже объект», – считает автор. В религиозном плане объективация тождественна с актом грехопадения – отчуждения человека от Бога, сопровождающегося попаданием субъекта в зависимость от мира объектов. «Если мир, – писал Бердяев, – находится в падшем состоянии, то это – не результат способов познания (как это думал Шестов). Вина лежит в глубинах мирового бытия. Это лучше всего уподобить процессу *разложения, разделения и отчуждения*, которое претерпевает ноуменальный мир. Было бы ошибкой думать, что объективация происходит только в познавательной сфере. Она происходит, прежде всего, в *бытии самом*. В результате нам кажется реальным то, что на самом деле вторично, объективировано, и мы сомневаемся в реальности первичного, необъективируемого и нерационализованного». Осознание первичности духа как творческой реальности и составляет, по мысли автора, задачу философии, указывает путь решения проблемы свободы человеческой личности в процессе этого осознания.

Отсюда «персоналистическая революция», к которой стремился философ, «означает свержение власти объективации, разрушение природной необходимости, освобождение субъектов-личностей, прорыв к иному... духовному миру» [1]. Преодоление объективации связывается Бердяевым не столько со спасением, сколько с *творчеством* как «обнаружением избыточной любви человека к Богу», отчетом его «на Божий зов на Божье ожидание».

Суть «персоналистической революции», объявленной Бердяевым, получила свое первое развернутое выражение в книге «Смысл творчества», основная тема которой – идея творчества как религиозной задачи человека. Во введении к работе Бердяева «Философия свободы. Смысл творчества» современная писательница Е.К. Герцык пишет о книге: «Сотни пламенных, парадоксальнейших страниц. Книга не написана – выкрикнута. Местами стиль маниакальный: на иной странице повторяется пятьдесят раз какое-нибудь слово, несущее натиск его воли: человек, свобода, творчество. Он бьет бешено молотком по читателю, не размышляет, не строит умозаключений, он декретирует» [2].

В этой книге Бердяев ставит вопрос об отношении творчества и греха, творчества и искупления, об оправдании человека в творчестве и через творчество. Он считает, что «оно оправдывает человека, оно есть антроподицея». Антроподицея, согласно Бердяеву, это «третье антропологическое откровение», возвещающее о наступлении «творческой

религиозной эпохи». Творчество не оправдывается и не допускается религией, а само является *религией*. Его целью служит искание смысла, который всегда находится за пределами мировой данности; творчество означает «возможность прорыва к смыслу через бессмыслицу». Смысл есть ценность, и потому ценностно окрашено всякое творческое стремление. Творчество создает особый мир, оно «продолжает дело творения», уподобляет человека Богу–Творцу. Бердяев считает, что «все достоинство творения, все совершенство его по идее Творца – в присущей ему свободе. Свобода есть основной внутренний признак каждого существа, сотворенного по образу и подобию Божьему; в этом признаке, заключено абсолютное совершенство плана творения» [2]. Присущая человеку способность к творчеству божественна, и в этом состоит его богоподобие. «Творчество человека не есть требование человека и право его, а есть требование Бога от человека, обязанность человека». «Бог ждет от человека творческого акта как ответ человека на творческий акт Бога. О творчестве человека верно то же, что и о свободе человека. Свобода человека есть требование Бога от человека, обязанность человека по отношению к Богу». Бердяев пишет: «Творчество неотрывно от свободы. Лишь свободный творит. Из необходимости рождается лишь эволюция; творчество рождается из свободы». Тайна творчества также «бездонна и неизъяснима», как и тайна свободы.

«Творчество – это цель жизни человека на земле – то, для чего Бог создал его. Если христианство есть религия спасения, то это спасение через творчество, а не только через аскетическое очищение от греха», – пишет Бердяев. В книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931) он утверждает, что не только этика искупления, но также этика творчества есть путь в царство небесное. В этих словах Бердяев выражает мысль, что «творчество есть творчество из ничего», только результат свободы духа. Однако, было бы неправильно думать, что творчество человека не нуждается в какой-либо материальной предметно-преобразовательной деятельности. Человек – это мир человека, в том числе и предметный, который возникает из трудового преобразования природы и общества. К. Маркс отмечал, что, преобразуя природу, человек «удваивает себя не только интеллектуально...но и реально, деятельно и созерцает самого себя в созданном им мире» [3. С.94.].

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1991.

2. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.42.

М.А. ЕРШОВА

г. Екатеринбург

***РУССКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ О ПРОБЛЕМЕ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В САМОБЫТИИ, БЫТИИ И
ИНОБЫТИИ***

Отношение человека к себе, миру и Богу, как они виделись представителями духовно-академической философии – предмет рассмотрения в данной статье. Философская школа, представленная профессорами русских Духовных академий (Московской, Санкт-Петербургской, Казанской и Киевской) является на сей день направлением практически не изученным. Как отмечал классик истории философии В.В. Зеньковский, именно в стенах духовных академий закладывался фундамент, и формировались неповторимые черты русской философии. Сложившаяся ситуация весьма парадоксальна: изучая русскую философию вот уже более 15 лет, мы не обратились к исследованию ее истоков. Справедливости ради следует отметить, что в последние пять лет стали появляться публикации, посвященные академической школе русской философии (С.В. Пишун, В.Ю. Пинчук, и др.). Данная статья является частью труда, с помощью которого автор надеется внести некоторый вклад в восполнение пробела в отечественной истории философии.

Одним из наиболее ярких представителей академической философии является Виктор Иванович Несмелов (1863-1937). Его личная судьба примечательна тем, что положения его философской системы не расходились с его жизнью. Он был действительно христианским мыслителем и благочестивым христианином. Несмотря на то, что последние двадцать лет его жизни прошли под знаком гонений на все то, что было дорого для него, он сохранил твердость духа и убежденность в истине Христианства. Все свои силы он отдавал на служение Богу и человеку.

Центральная в творчестве этого философа – проблема человека. Одна из характерных черт его оригинальной философской системы заключается в теснейшем переплетении антропологического и гносеологического аспектов исследования. Эта особенность задаст и логику исследования Несмеловым проблемы определения человека в трех сферах бытия.